18+

Григорий Зарубин

94-й пехотный Енисейский полк

Григорий Зарубин

94-й пехотный Енисейский полк

«Издательские решения»

Зарубин Г.

94-й пехотный Енисейский полк / Г. Зарубин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962704-9

Историческая повесть о подвиге 94-го пехотного Енисейского полка.Русским солдатам, павшим на полях Первой мировой войны, посвящается…

ISBN 978-5-44-962704-9

© Зарубин Г.
© Издательские решения

Содержание

Русским солдатам 6
Глава первая 7
Глава вторая 16
Конец ознакомительного фрагмента. 20

94-й пехотный Енисейский полк

Григорий Зарубин

© Григорий Зарубин, 2022

ISBN 978-5-4496-2704-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русским солдатам

павшим на полях
Первой мировой войны посвящается…

Глава первая

1914 год. 1 марта. Псков.

94-й пехотный Енисейский полк построен на главной городской площади ровными коробками, образуя серо-шинельный полукруг. Начищенные штыки сверкают. Полковые знамена чуть колышутся от весеннего студеного ветерка. Солнце сквозь морозную дымку просвечивает оттопыренные солдатские уши. Из-под лихо закрученных усов и красных носов валит пар. В задних шеренгах то и дело переминаются с ноги на ногу…

Несмотря на ранний час на улицах уже многолюдно, празднично. И Великолукская улица, и Сергиевская и Петропавловская и Александровская набережная, Кохановский бульвар у старой крепостной стены и уж тем более рынок – буквально утопают в цветастых платочках, шляпках с перьями, картузах, «котелках» последней европейской моды, а кое-где и английских кепи важных обывателей, – всюду смех, крики, толкотня: «…простите меня! Федор Кузьмич», «Бог простит!», «и ты меня прости, Варенька!»; «Блины! Блины! Кому блины?! С семгой, икорочкой зернистой! Со сметанкой, маслицем!», «почем, красавица?!», «пятьдесят копеек, барин!», «а че так дорого?»; «Пироги! А у нас – пироги! Со снетком, с грибочками!»; «Яблочки моченые!», «Брусничный квас!», «Медовушка! Медовушка освященная Печорская Монастырская!», «Ваше благородие! Купите барышне ландыши! А, ваше высокоблагородие?!», «Ну!», «с вас три копеечки!», «чего ты мне букетик суешь?! Всю корзину беру! Сдачи не надоть»…

Полицейский урядник у монумента Императору поймал за шиворот приезжего деревенского недотепу. Поставив рядом, что-то втолковывает ему нравоучительное.

Неугомонные мальчишки с гамом и криками, а то и дракой занимают излюбленные места повыше: на нижних ветках кленов, кованых оградах…

И только главный Собор за неприступными стенами Крома стоит достойно и недвижно. И купола Троицкого Собора со шпилем колокольни величаво пронзают небесную сладкосинюю высь…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – — —

Горожане любили поглазеть на «маневры» военных. А уж тем более на «енисейцев»! и не последней виной тому – подпоручик Новак…

Подпоручик Алексей Новак, младший офицер третьей роты 2-го батальона, что называется, слыл, чуть ли не во всей губернии неисправимым забиякой, балагуром и «разрушителем дамских сердец». К слову сказать, сам бы он очень удивился такой характеристике, потому как считал себя чересчур робким и застенчивым и крайне невезучим в отношениях с женским полом. На службе, правда, мог вспылить, но только если окончательно выведут из себя. Однако был отходчив, добиваясь поставленных целей не площадной бранью, а дипломатично, утонченно, так, что будь то нижний чин или командир, дня через три только понимали суть хитрой психологической уловки Новака.

Выглядел подпоручик в свои двадцать пять очень молодо, и всегда чрезвычайно опрятно: сапоги начищены, точно самовар у радивой хозяйки – до блеска, штаны отглажены, на кителе с серебряным значком полка ни единой пылинки; чисто выбрит, наодеколонен, усики до самых кончиков напомажены.

– Ну, я вам покажу! Выучу, – как государеву службу любить, всеми фибрами души вашею! – тряся кулаками, орал на солдат подпоручик Новак. Хотя был не особо разговорчив.

Но солдатики не обижались на него. Знали, что офицер этот, в случае чего, за любого из них жизнь положит. И не задумается. А если и сгоняет по случаю с них «семьдесят семь потов», то для их же пользы. Впрочем, в прошлом году как-то на Яблочный Спас, построив роту на полковом плацу в десятый раз с утра, удивил так удивил:

– Слушай, мою команду! Ро-та! Рав-няйсь!!! Сми-рна! Ружья – «на ремень»! Ружья – «на краул»! Семенов!!! Балда!!! Я сказал: «на караул»! Куды ты винтовку затискиваешь?!

Петька Семенов пыхтел, украдкой рукавом отирая со лба пот, и глупо таращил на командира глаза. Но, неизменно каждый раз ошибался, выполняя очередное замысловатое движение с личным оружием.

– Так, значит, так! – старался утихомириться подпоручик, – ладно. Рота разойдись! Ну, а завтра я вам всем устрою…

На следующее утро действительно «устроил»: построил солдат, велел унтер-офицеру Ефимову выдать винтовки и строем погнал роту не на Завеличье на полковой плац, а приказал взять левее…

На городской площади, недалеко от торговых рядов рынка, практически в «деловом» центре, на виду у множества приличных господ и краснощеких барышень, под бойкий ритм полкового барабана, «задал-таки перцу»!

Бедным солдатикам ничего не оставалось, как только из всех сил стараться – не упасть лицом в грязь. Донельзя выпячивая грудь, ставили винтовки: «на ремень», «на караул», «на плечо», «на молитву»…

Местные девки-красавицы приостанавливались, спеша с корзинками, кульками из лавок или с рынка, улыбаясь, что-то шептали друг дружке, с интересом поглядывая в сторону военных. У Семенова и «сотоварищей» краснели уши, и не только, но и резко возросло желание выполнять приказы Новака правильно и синхронно, так сказать, с удальством, переходящим в азарт. Нашел стимул! – мужское «либидо». Дабы не было б стыдно в очередном увольнении…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — —

Прибытие важной благородной свиты в связи с назначением нового командира полка отчего-то задерживалось. Полковые шеренги озябли.

Но вот с трудом пробрался сквозь толпу зевак и сразу направился к штабс-капитану Протопопову припоздавший полковой священник протоирей Валентин Робертович.

– Идут?! – Протопопов немного подплясывал, стараясь хотя бы голову не держать в холоде, вытягивая шею до границы тени и света.

– Пока не видать, Борис Викторович, – не видать-с пока.

– А чего это вы так, батюшка?! – разглядывал старший офицер странное одеяние протоирея. Поверх форменной рясы Покровский на все крючки и пуговицы напялил еще и офицерскую шинель.

– Богово Богу, а протоирею – зябко! – хитро улыбнулся в густую бородищу Валентин Робертович.

– Ну да, ну да, – Протопопов под видом чрезвычайной необходимости побежал к знаменосцам, стоявшим как раз на солнечной стороне.

Пихнув и прикрикнув на унтер-офицеров, откуда-то примчался Новак. Как ни в чем ни бывало, встал в строй с правой стороны от роты. Огляделся. Хмыкнул пару раз, встретившись взглядом с Семеновым. Строевым шагом направился к ротному командиру.

Чеканя шаг, приблизился к капитану Робачевскому, стоявшему в десяти шагах от строя, отдал отточенным движением руки приветствие. Поздоровавшись за руку, о чем-то зашептались. Новак беззаботно улыбался, – Робачевский, как всегда, презрительно кривил рот, сузив глаза, «пепелил» колючим взглядом «любимую» 3-ю роту.

Солдаты с восхищением наблюдали за подпоручиком: ни одного лишнего движения, точно гитарная струна: осанка; кожаные ремни, казалось, хрустели, поверх ладно подогнанной шинели; офицерская шашка блестела так, что глаза слепила…

– Ро-та!!! – рявкнул Новак, лихо развернувшись лицом к строю, – слушай мою команду! Ружья, на пле-чо! На месте, ша-гом арш!!!

Солдаты робко засучили затекшими ногами.

– Веселее! Солдатики! Веселее, разлюбезные! Раз, раз, раз, два, три! Левой, левой, левой! Раз, раз, раз, два, три!

Штабс-капитан Протопопов с удивлением и нескрываемой завистью поглядывал на хитрый маневр 3-й роты.

Подпоручик, поймав ритм, сам затопал на месте – молодцы! Бравые солдатушки! Храбрецы мои!!!

– Рады стараться!!! Ваше благородие!!! – одновременно гаркнули сто с лишним «молодцев-храбрецов». Щеки их из-под усов раскраснелись, некоторые заулыбались.

Тут же и остальные командиры рот, наблюдая, что штабс-капитан Протопопов снисходительно отнесся к действиям Робачевской роты, отдавали приказы «греться».

Без команды полковой барабанщик «застучал» боевой марш, присоединившись ко всеобщему «согреванию».

Не удержался и протоирей. Вышел в центр. Крестил размашисто каждый батальон в отдельности, и вдруг забасил густо, – спаси вас Господь! Соколики! Защитники Отечества!

– Рады стараться!!! Ваше Боголюбие!!! – синхронно и зычно ответил полк.

Валентин Робертович украдкой смахнул слезу. Ушел на свое место.

– Видать, «дернул» уже с утра, – хмыкнул про себя Ефимов.

– Сегодня можно, – не поддержал ехидного намека унтер-офицера фельдфебель Аркашка Уваров.

– — – — – — – — – — – — – — – — – — —

Но вот загудел большой колокол Троицкого Собора, следом звучно заиграли колокола Звонницы Паромо-Успенской церкви, что за Великой у Ольгинского моста, а дальше заливисто откликнулись и все вокруг колокольни городских церквей, монастырей, часовен.

Большая процессия появилась! Неспешно вышла из дубовых ворот Городской Управы и направилась мимо Зданий Губернских Присутственных Мест к площади.

Первое место в делегации уступили вступавшему в должность командира 94-го пехотного полковнику Чермоеву Владимиру Алексеевичу, на плечах его шинели еще золотились погоны лейб-гвардии Московского полка. Далее шествовал Псковский Губернатор камергер Высочайшего Двора действительный статский советник барон Медем Николай Николаевич с гордо сверкающими на груди орденом святой Анны 2-ой степени, серебряным знаком Императорского училища правоведения и недавно Высочайше пожалованным орденом Святого Равноапостольного Князя Владимира 3-ей степени. За ним следовали: Епархиальный преосвященный Евсевий епископ Псковский и Порховский; Губернский Предводитель Дворянства Гофмейстер Высочайшего Двора Николай Павлович Лавриновский; начальник Губернского Жандармского Управления полковник Сомов Николай Арсеньевич; полицмейстер коллежский ассесор Власков Николай Семенович; командиры 96-го пехотного Омского полка и 93-го Иркутского пехотного полка полковники Копытинский Юлиан Юлианович, Янов Георгий Дмитриевич; Председатель Псковской Городской Думы – городской голова Агапов Алексей Алексеевич; прокурор Романов Алексей Федорович и других чинов и званий – человек пятнадцать…

– Полк!!! На месте, стой!!! Ружья, на кра-ул!!! Смир-но!!!

Оркестр заиграл марш. Штабс-капитан Протопопов, приложив ладонь к правому виску, слегка покачивая крепким туловом, точно моряк, спешно двинул встречать процессию…

– Господин полковник! 94-й Енисейский пехотный полк построен! Докладывал исполняющий обязанности начальника штаба штабс-капитан Протопопов!

Полковник Чермоев принял доклад. Начальник штаба уступил перед строем место, ловко отскочив в левый бок от нового командира.

– Здравствуйте, «Енисейцы»!!! – мягким бархатным голосом приветствовал полк Владимир Алексеевич.

Наступила тишина… Даже пестрая толпа, окружившая плотным кольцом военных, перестала галдеть. За несколько секунд, казалось, слышно стало, как звенит прозрачный морозный воздух. Но вот солдаты, вытянув подбородки, глубоко вдохнули… Протопопов незаметно подал рукой условный сигнал…

И полк «выдохнул»: грозное, красивое, мощное: здра-вия жела-ем, гос-по-дин полковник!!!

Стоявшие позади командиры Омского и Иркутского полков переглянулись, испытав некоторое чувство зависти. Однако ж, как еще отмаршируют? Может там допустят какую-нибудь оплошность?!

– Солдаты! Господа офицеры! – начал длинную речь Чермоев под пристальным изучающим взглядом тысячи с лишним новых подчиненных, – в это нелегкое для Отчизны время, нам с вами многое предстоит вместе…

Стаи голубей, громко хлопая крыльями, заглушив важные слова полковника, слетели с крыш…

– А командир-то, вродя, ничаго, и не толстопузый, – Семенов легонько толкнул плечом Аркашку.

– Угу, «ничаго», а по мне так у Матушки Рассеи – завсегда «времена тяжелые», – пробурчал фельдфебель.

Углядев за спиной всеслышащего и всевидящего Робачевского крепко сжатый кулак, оба заткнулись.

– …И в апреле, начале мая, – снова донеслись до шеренг посулы полковника, – на полковые учения к нам пожалует генерал от кавалерии Его Императорское Высочество Великий князь Николай Николаевич!

– У-р-а!!! У-ра!!! Ура!!! – громоподобно прокатилось по шеренгам.

Оркестр заиграл Гимн. Полк, а вместе и губернатор и приглашенные и много кто из горожан дружно запели: «Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй на славу, на славу нам!»…

– — – — – — – — – — – — – — – — – —

Батальоны полка, отмаршировав необходимую часть с салютованием под оркестр важным персонам, двинули чеканить шаг по улицам города. Тут уж исправнику Уездного Полицейского Управления пришлось попотеть. Приставы, заодно и привлеченные к мероприятию полицейские надзиратели, офицеры конной и пешей стражи Жандармского Управления с великим трудом оттесняли народ, освобождая дорогу марширующим полковым ротам.

Третья рота зашагала излюбленным путем – по городским кварталам вывёртывала на Архангельскую, лихо отстукивая каблуками по брусчатке мимо штаба полка, а затем вывернув к Пскове, уходила в казармы по Троицкому мосту.

На Запсковье собралось тоже немало народу. Молодые женщины махали вслед платочками, старушки крестились на золотые купола церквей, низко кланяясь до земли, и тут же подвыпивший мужичек, буквально вывалился под ноги, с большим самоваром под мышкой, «салютовав» двумя перстами к седому виску, заорал: «Да здравствует Его Величество Николай Александрыч, и со всем своим семейством!»

Капитан с подпоручиком чуть приотстали от солдат, не вмещаясь в узкое пространство облепленной горожанами дороги. Робачевский хотел было дать команду повернуть роте на более широкую Ильинскую, но, опередив, из первых рядов донесся зычный приказ унтерофицера Ефимова: «Рота! Равнение на пра-во!!!»

Солдаты с большим удовольствием затопали громче, повернув головы в правую сторону. Вразнобой, нарушая уставы, с кем-то радостно здоровались, и, чуть не сворачивая шеи, не могли оторвать от кого-то восхищенных взглядов.

Гадать долго не пришлось. У дверей булочной стояла жена капитана с маленькой дочкой – Робачевская Наталья Сергеевна! Мило улыбалась, отвечая на приветствия. Помахала мужу.

Муж, зловредный капитан, Его Благородие, Сергей Николаевич, как ни странно, тоже ласково улыбнулся.

Событие для 3-й роты из ряда вон выходящее! Некоторые, отслужив и третий год, никогда не видели командира с благодушной улыбочкой на лице, а кто и видал, предпочитал лицезреть, от греха подальше, строгую его физиономию.

Об исключительной красоте Натальи Сергеевны были многие наслышаны, – а сегодня, как говорится, воочию… Подлинно восхитительная учителка словесности из Мариинской женской гимназии с белокурыми завитками волос, выбивающихся из-под модной шляпки, с чуть заметно округлившимся животом, махала им ручкой вслед.

– Ух, ты!!! – только и слышен пересвист в солдатских шеренгах.

Престиж капитана в глазах ошеломленных солдат за одно мгновение вырос в десятки раз. Теперь понятно, отчего Сергей Николаевич в последние дни такой добрый!

Новак чуть приостановился. Щелкнув каблуками, кивнул. Не в силах подавить растянувшейся до ушей улыбки, побежал догонять роту…

Робачевский многозначительно оглядел подпоручика.

– Чего? Просто, поздоровался… вот, – ответил на немой вопрос Новак.

– Ничего. Я не про это! А про барышню в окнах дома Лахновского, – хмыкнул капитан.

– А, это… племянница его, Анна Войцехович…

– Ужинать сегодня приходи. И Наталья моя просила. Так что ждем, – еще раз хмыкнул Робачевский, и, точно опамятовавшись, рявкнул, – ро-та! Песню, запевай!!!

– — – — – — – — – — – — – — – — – —

Подпоручик Новак задержался в казармах. Проследил за сдачей оружия. Проверил порядок в помещениях. Выстроил получивших увольнительную, но, особо не придираясь, отпустил, напутствовав:

– По кабакам не шастать! Друг дружку не оставлять нигде! Чтобы утром на плацу – как огурчики!

– Не извольте сумлеваться, Ваше Благородие, Алексей Федорович! – Семенов уже мчался, точно шальной теленок, в сторону города.

Прибежал мальчишка. Спросив фамилию подпоручика, сунул Новаку записку. Получив копеечку, исчез также быстро, как и появился.

Прочитав короткое письмо, подпоручик помрачнел, ушел в офицерскую комнату и до полудня не выходил.

К вечеру из дверей крикнул дневального…

– На-ка денег. Сбегай в кондитерскую. Купи торт.

– Слушаюсь, Алексей Федорович!

– Только небольшой купи, но дорогой. Понял?!

– Понял! Чего ж не понять?! Маленький торт и самый дорогой!

– Хорошо! На сдачу можешь купить себе чего-нибудь, табаку или махорки. Давай, я за тебя подежурю…

– Спасибо, Ваше Благородие, я мигом!

Дневальный, оставив кинжал, убежал. Алексей прислушался к пустой казарме. Уловил посторонний звук. В умывальной довентил медный кран. Тут же пристроился на подоконнике, закурив папироску. Вытащил из нагрудного кармана скомканный лист. Еще раз перечитал. Горько усмехнулся. Порвав записку на мелкие квадратики, выбросил в ведро…

– Вот! Московский! Свежий! Господ Абрикосовых: «Полюби меня»! – вбежал, сильно запыхавшись, солдат.

– Кого полюбить? – не сразу понял задумавшийся Новак.

– Торт так называется: «Полюби меня». Три рубля отдал. А что дешевле были, – уже все распродали…

– Хватило денег-то? Ну, спасибо тебе.

– Еще остались, – дневальный, нашарив в кармане медяков, высыпал целую пригоршню в ладошку подпоручика, – еще папирос вам двадцать штук взял. Ваши любимые: «Герцеговины, Асмоловские».

– — – — – — – — – — – — – — – —

От Гремячей Горы, где располагались Енисейские казармы, до дома Робачевского на Верхнее-Петропавловской было далековато. Но по ледяной тропинке еще не вскрывшейся реки – ходьбы минут десять быстрым шагом. Сам же Новак обитал, снимая комнату, в доме Тихомирова на Печерском подворье, что было не вполне удобно, так как в соседях жили полковой протоирей Валентин Робертович Покровский с большим семейством, а главное, – полковник Атлантов, которого он терпеть не мог.

Впрочем, Атлантов, будучи потомственным дворянином, отвечал взаимной «нелюбовью» подпоручику, считая его выскочкой, недотепой, сыном кузнеца. Немного ошибся. Отец Алексея – простой унтер-офицер, участвовавший в обороне Шипки. Будучи Полным кавалером Георгиевского креста, смог устроить Алешку в юнкерское училище…

Дверь Новаку открыла Глаша. Миловидная девушка, прислуживающая в доме Робачевских. С бородавкой на щеке, отчего всегда стеснялась и низко наклоняла голову. Впрочем, русая коса ее до пояса – дивная.

По шуму и выкрикам, доносившимся из небольшой гостиной, стало понятно, что гостя не дождались.

За круглым столом восседал сам Робачевский. В кресле примостился старший врач полка со смешной фамилией – Жаннин-Перро Николай Антонович. Вдобавок, на диване неумело тренькал струнами гитары командир их батальона – штабс-капитан Тер-Степанов Тигран Васильевич. Наталья Сергеевна любезно приняла цветы, торт; пригласила к столу.

– Проходи, Алеша! Давно я тебя не видела! Не с Рождества ли?! Ну, прости меня!

– Бог простит! И вы меня простите!

– Бог простит!

– Ага! Алексей Федорович! Ну, наконец-то! Господа! Прошу всех к столу! – Робачевский захотел было встать, но понял, что изящно у него это не получится, поэтому только энергично замахал руками.

Алексей поздоровался с доктором, штабс-капитаном. Расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Присел за стол. Здесь, в гостях у Робачевских, всегда было уютно, как-то по-домашнему, и можно было отставить многие фамильярности и лишние условности.

– Ну-с! Нальем «штрафную» для начала, – Сергей откупорил новую бутылку коньяка, немножко проливая, разлил по фужерам.

– — – — – — – — – — – — – — – — – —

За окном стемнело. Зажгли лампу. Тигран Васильевич уже мирно дремал в кресле в обнимку с газетой «Губернских Ведомостей». Доктор, сверкая пенсне, сидел подбоченившись в углу дивана. Наталья Сергеевна с Глашей хлопотали на кухне, заканчивая приготовления к выносу горячего.

Робачевский продолжал изливать тирады…

– И как мальчишку… отчитал меня! Представляешь?! Как мальчишку! За вами, дескать, числится телефонный аппарат. А завтра будет инспекция! Лично проведена Его Высокоблагородием господином полковником! И ежели вскроется потеря! Будет назначена официальная служебная проверка! А, каково?! – тряс головой капитан, – каково?! Я этого…

– Сережа! Нельзя потише? – вышла в гостиную Наталья. Следом Глаша занесла стопку чистых тарелок.

– Я этого, – перешел на шепот Робачевский, – Атлантова вместе с Протопоповым… язви их…

– Сережа!!! Марш, на улицу курить! В окно позову после…

– Господа офицеры! – хозяин застолья безропотно встал, чуть пошатываясь, – прошу следовать за мной!

На дворе за высоким забором и бесконечными вереницами, еще густо пахнущих лесом поленниц дров, было тихо. На черном небе мерцала звездная пыль…

– Утром будет морозец, – протер стекла очков доктор.

– Тихо! – приложил палец к губам Робачевский, – вон там, в углу, видите?!

– Нет.

– Ничего не видно.

Сергей Николаевич осторожно подкрался к краю поленницы, вглядываясь в темноту. Новак, тихонько ступая, пошел следом.

Уперевшись в еще один забор, остановились. Прислушались…

– Никого, господа! Показалось… представляете, видимо, совсем голова распухла! Нет, не может быть! Но ведь точно – Семенов, солдат! Козья морда! Глаза выпучил на меня! Губы свои масляные оттопырил!

– В отпуск вам надо, Сергей Николаевич! – захохотал Тигран Васильевич, – ей Богу! В отпуск!

Закурили папиросы, пуская дым в морозное небо, и задумались каждый о своем…

Наталья открыла форточку, – Сережа! Зови к столу!

Вчетвером, во главе с капитаном, шумно обстукивая о ступеньки крыльца липкий снег, пошли в дом.

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

– Господи! Прости меня, грешнаго! – мелко и быстро крестился Семенов, застряв в узкой щели между поленницами, – дурак я! Ой, дурак! Сподобило же влюбиться в Глашку! Других что ля нету?!

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

В центре стола на серебряном блюде еще шипела, заполняя гостиную чудным ароматом, запеченная с яблоками до золотистой корочки большая утка.

– Наталья Сергеевна! – целовал тонкие пальчики Тигран Васильевич, – вы волшебница! Изумительная красивейшая женщина! Клянусь вам!

– Господа! Прошу к столу! – немного смутилась Наталья, – нет, нет! Алеша! Немного вина… мне только…

– А я ему говорю! На прошлой неделе, – взяв под локоть доктора, Робачевский во что бы то ни стало решил досказать историю, – говорю ему: «Семенов! Принеси попить». А этот гусь?! Вместо того, чтобы принести воды, побежал за водкой! Ну! Что ну?! Где-то попался на глаза Протопопову!

– Сережа! Потише! Я дочь уложила…

– Хорошо, хорошо, – сбавил на тон Сергей. Сжал кулак, погрозив кому-то невидимому в окно, – у-ух! Все мне навред и назло! Морда «скобарьская»! и слова-то, когда говорит, – «по-курляндски»: тя-нет, тя-нет!..

– Спокойный и скромный парень этот ваш Петр Семенов, – заступилась жена за солдата. Встретившись взглядом с Глашей, улыбнулась, – правда, Глаша?!

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

На другом конце города, в самом конце Губернаторской, в доме начальника хозяйственной части полка Атлантова Петра Андреевича играли в карты.

– Представляете, господа! И ведь наорал на меня! При всех! – Петр Андреевич подкинул на сукно «туза».

– Ну не вызывать же его на дуэль? – Протопопов сгреб восемь карт вместе с «тузом», красиво расправляя в пальцах «веер», – хоть Робачевский и дворянин! Но ведет себя… Благо, что окончил с отличием Константиновское военное училище. А по его подпоручику Новаку давно уже каторга плачет!

– Кстати, Чермоев планирует провести аттестацию всех чинов, – полковой адъютант Кондаков начал тасовать колоду карт, – и у контрразведки и у жандармерии, имеются сведения, много вопросов к этому Новаку.

– А что так? Неблагонадежен?! – Атлантов показал «шестерку червей», – мой ход, господа!

– В пассиях своих неразборчив… Представляете, буквально сегодня утром некая Войцехович скрылась… из-под носа приставов. А в квартире учинили обыск. Говорят, что нашли листовки, экземпляры большевицкой «Искры». Между прочим, болтают, у нас в Пскове печатают!

– Да-с… дела!..

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

– Когда же ты женишься, а, Алексей Федорович?! – снова прилепился к Новаку Робачевский.

– Сережа! Это нетактично! – Наталья Сергеевна укуталась в шаль, – Глаша, подавай чай!

Глаша принесла пыхтящий самовар. Каждый наливал сам себе в чашки кипяток, добавляя из фарфорового чайничка заварку.

Сергей Николаевич задумался, уставившись на китайский фарфор, и опять его понесло, – а этот самый… Чермоев и спрашивает меня!

– Николай Антонович! Как вам новый командир?! – перебила жена.

– Думаю Владимир Алексеевич временно у нас, – метит в будущем на вышестоящую должность, – отхлебывая чай, деликатно уклонился доктор.

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

– Господи! Да что же это такое?! – в очередной раз, громко икнув, Владимир Алексеевич встал с постели. Походил в шлепанцах в темноте по комнатам новой еще незнакомой квартиры. Выпил стакан воды. Вроде отпустило. Снова лег в кровать. И через полчаса, немного повертевшись, полковник Чермоев все же уснул крепким сном…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

Петька Семенов не мог заснуть: то простынь с матрацем съезжала на бок, то подушка торчала комками, надавливая на ухо, то пятка царапалась. Вертелся, вертелся…

– Ну чего ты ерзаешь? – Аркашка Уваров приподнял рыжую голову с соседней казенной кровати.

– Да… чет не спится…

– Сходи, водички хлебни! Или босиком по снежку – тоже хорошо.

– Хорошо, да уж, куды лучше… как тебе новый наш полковник?! А, Аркадий?! Вроде, ничаго.

– «Ничаго»! – Уваров злился: то ли на Петьку, не дававшему заснуть, то ли на самого себя, наделенным уж больно чутким ухом, а то ли на всю свою жизнь…

– Вроде строгий! Его высокоблагородие! Ишь как зыркал на нас. А по голосу… вроде… добрый.

– Все они одинаковые – «ихблагородия»! только и умеют, что орать на нашего брата, да по моське хлестать…

– Как думаешь, отпустят нас в отпуск в деревню на покос? Владимир Захарыч тот отпускал.

– То Гудима был, – сел на кровати Аркашка, – надо к Новаку подойти, приспроситься.

– Пойдем вместе.

– Как будет добрый – в расположении духа, я тебе мигну, – Уваров снова улегся, завернувшись поплотнее в колючее одеяло.

– А чего ждать-то? Он завсегда добрый. И землячок наш, как-никак с одной деревни.

– Может, и с одной деревни, да рылом мы не таки!

Семенова пробрал смех, глядя на торчащие уваровские рыжие усы и его сверкающие злые глазенки из-под подушки.

– Чего ржешь?! Услышит Ефимов, – он тебе задаст!

– Ефимов дома у своей Прасковьи давно уж под бочком похрапывает!

– А чего тогда лежим?! – скинув одеяло, снова уселся Уваров, – пошли в мою «коптильню». У меня осталось маленько «снотворного»! только тихо, не разбуди остальных…

Глава вторая

После Седмицы и дня Блаженного Христа ради юродивого Николая Псковского резко пошло на оттепель. Дворники то и дело успевали счищать мокрую наледь с крыш, отскабливать снег с крылечек, обильно посыпая песком скользкие дорожки.

Над городом висели плотной завесой серые мохнатые тучи, но сильный порывистый ветер нет-нет да и вырывал клок, обнажая небесную синь…

Полковник Чермоев приехал за четверть часа до прибытия поезда к варшавскому вокзалу встречать жену – Софью Андреевну.

На перроне было немноголюдно: извозчики, ожидая клиентов, зевали на двуколках позади прохода на площадь; лоточник стоял у входа в вокзал; несколько барышень из Мариинской гимназии, видимо тоже кого-то встречали; да начальник вокзала, заложив руки за спину, медленно прогуливался вдоль фонарей.

Но вот, пыхтя и посвистывая, со стороны линии: «Москва – Виндава» прибыл паровоз, с легкостью волоча за собой полдюжины вагонов.

Владимир Алексеевич быстро вычислил среди них первый класс. Окликнул солдата, приехавшего с ним в помощь перетаскивать багаж. И, углядев в полузакопченном окне супругу, замахал рукой…

– Здравствуй, Володенька! – Софья Андреевна поцеловала мужа в щеку, – кажется или ты похудел?

– Ну, здравствуй! – Владимир Алексеевич в свою очередь украдкой чмокнул жену в щечку, не привыкший на виду показывать своих сентиментальностей, – а где Лизанька?!

– Елизавета приедет через неделю. Пусть погостит пока у теток. Миша на каникулы тоже будет. В воскресенье забегал домой.

Местные псковские дамы, стоявшие невдалеке, с неприличным интересом разглядывали госпожу Чермоеву.

Софья Андреевна, несмотря на свои сорок лет, выглядела моложаво, свежо. Однако весьма скромное серое узкое пальто без единого намека на вышивку или тесьму по воротнику и манжетам, что считалось очень модным, и ботинки на пуговицах и шнурках, – не вызывали восторга. Как вдруг из-под шляпки, не видимая до этого из-за поднятого воротника, блеснула сережка.

– Ах! Какая красота! – ослепительный бриллиант, вкрапленный в белое золото, стоил не меньше…, да что там – целое состояние!!!

А если псковские модницы еще б узнали, что та самая шляпка была куплена в «Прадо» из коллекции Пуаре, то умерли бы на месте от зависти…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — —

А в это время Алексей Новак, изрядно взопрев, наконец-то вышел из ворот Губернского Жандармского Управления, что на Пушкинской в доме Боговскаго.

Беседу с ним лично проводил Николай Арсеньевич Сомов, полковник, и, не смотря на грозную должность начальника жандармерии, вполне себе порядочный человек.

– Итак, Алексей Федорович, знакома ли вам Анна Каземировна Войцехович?!

Адъютант управления Волков, усевшись с боку, тщательно записывал все вопросы и ответы.

– Да, знакома.

– Где и когда познакомились?

– Прошлым летом, кажется, в августе.

– Где, у кого?

– У Католического костела. Я мимо проходил… Анна Каземировна сопровождала какую-то старушку. Я помог им сесть в экипаж, – спокойным тоном отвечал Новак.

– Ну, хорошо, Алексей Федорович, – Сомов потупил глаза, – я понимаю, что вопрос чрезвычайно не деликатный, но все же прошу ответить, – в каких отношениях вы с госпожой Войцехович?!

Алексей задумался. А действительно, в каких?! Не жена ему, не любовница, не друг…

Тривиально, повторяя сюжет Гоголевкой повести, – прекрасная полячка свела его с ума.

То влекла его к себе, и он от нечаянного ее нежного прикосновения, задыхался от страсти, то отстраняла – гнала прочь. То неделями пряталась, не отвечая на письма, а однажды дождливым осенним вечером впорхнула в его комнату… Скинула порывисто на пол мокрое платье. Золотые вьющиеся волосы рассыпались, сверкая капельками хрустального дождя. Бросилась на него, зацеловала, заласкала…

Неделю Алексей ходил ошалелый, точно пьяный, не веря своему счастью, пока Анна не выгнала его, смерив холодным жестким взглядом. И так без конца, пока не исчезла совсем в начале марта. Прислала коротенькую записку: «Срочно уезжаю. Прощай. Твоя Анна».

– Ну что ж, не хотите отвечать не надо. Ваше право, – Сомов встал, подал распечатанный конверт, – это вам. Более не смею вас задерживать, Алексей Федорович.

– — – — – — – — – — – — – — – — – — —

Алексей Новак шел в сторону казарм. Брел, неспешно ступая по лужам, не видя и не замечая ничего и никого вокруг.

Мысленно перечитывал строчки письма. Память сама дорисовывала округлые завитки букв. И подражая польскому акценту милой Анны, мягкие звуки становились твердыми, шипящие – более приятно «шипели». Словно, ее сладкие губы сами шептали…

«Милый мой Алеша. Прости, что так уехала внезапно – все из-за непреодолимых обстоятельств. Всего тебе не могу объяснить, да и незачем. Впрочем, тебя уже, наверное, вызывали на допросы, и ты обо всем догадался. Не хочу портить твою жизнь. Ты замечательный. Вспоминай меня иногда. Целую. Любящая тебя Анна».

– — – — – — – — – — – — – — – — – — —

– А где рота? – Новак заглянул в пустые помещения.

– В лес за дровами уехали, ваше высокоблагородие, – доложил оставшийся дежурить курносый солдатик, видимо, из тех новобранцев, что на днях «забрили» из местных.

– Я не «высокоблагородие», просто «благородие». Понял?!

– Понял, ваше благородие!

– Молодец! Как звать-то тебя?

– Пантелеймон Артюхин! Ваше благородие! Девяноста пятого года рождения, призван для прохождения службы из Порховского уезда! – четко доложил солдат.

– Молодец!

– Спасибо!

– Не «спасибо», а «рад стараться».

– Понял! Ваше благородие! Рад стараться!

– Молодец! – хлопнул Новак солдата по плечу, – далеко пойдешь, Пантелеймон Артюхин!

– Рад стараться!

– А это чья лошадь, вестового?

– В точности так! Ваше благородие!

– Ну вот что: вестовой пускай пешком послужит, а я к капитану Робачевскому в лес… если спросят подпоручика Новака. Понял?

– В точности так! Ваше благородие!

Новак отвязал уздечку, сноровисто заскочил в седло, и, выехав за ограждение, лихо пустил коня галопом…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

В сосновом лесу еще лежал хрупким настом нерастаявший снег. Солдаты заготавливали дрова: одни валили на землю тонкие сухие сосны, другие тут же их распиливали на чурки, третьи складывали на подводы. Капитан Робачевский с пригорка зорко следил за происходящим действом. Восседая на сухой коряге, наверное, был бы похож на полководца, если б не чайная кружка в его правой руке, а в левой – огромный бутерброд со шматом сала. Тут же горел костер, дымилась полевая кухня, распространяя аппетитный запах гречневой каши с мясом.

– Ваше благородие! Бруснички не желаете?! – прибежал откуда-то из чащобы с котелком полным ягоды Петька Семенов.

Робачевский чуть не подавился, неожиданно увидев перед собой Семенова. Закашлялся. Тут же выругался. Глубоко вздохнул…

– Зови-ка всех на обед, Семенов.

Новак подъехал к импровизированному лагерю. Спрыгнув с коня, отдал конец уздечки подбежавшему Ефимову.

– Ну что, Алексей Федорович, «пропесочили» вас?! – Робачевский кивнул в сторону самовара и пустых солдатских кружек, – прошу к «столу»!

– Да уж, – Новак налил себе чаю.

– Любовь и политика, Алексей Федорович, это, любезный мой, две «скалы», – дожевывал бутерброд Робачевский, – сии которые надобно нашему «кораблику» опасаться и обходить стороной. А у тебя к тому же все вместе, – прямо-таки гремучая смесь… и «поручика» тебе, ты уж поверь моему опыту, не видать еще лет, этак, сто.

Новак грустно усмехнулся, но взгляд выдавал его: был каким-то счастливым, что ли…

Он любил. И, самое главное, все-таки был любим…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

Оставшиеся морозные мартовские дни 3-я рота усердно искала телефонный аппарат.

– Будь он неладен этот чертов аппарат! Ефимов! – орал на всю казарму Робачевский, – а в канцелярии смотрел?!

– Так точно!

– А в пекарне?!

– Никак нет!

– Возьми с собой человек пять, сходи, поищи там!

– Слушаюсь! – унтер-офицер Ефимов, пряча недовольную физиономию в седые усы, что-то еще побурчал и ушел, зло топая по деревянному полу.

Прибежал, изрядно запыхавшись, вестовой из канцелярии полка. С трудом отдышавшись, только и произнес, – подпоручика Новака…

– Что, Новака?! – Робачевский с утра был не в духе, – чего тебе надобно, козья морда?!

– Подпоручика Новака, – срочно к штабс-капитану Протопопову!

– Алексей Федорович! По твою душу! – Робачевский ушел в глубь казармы – на кого-нибудь и там поорать…

– — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – — – —

В штабе полка было немноголюдно. Новак поприветствовал офицеров. Ему неохотно ответили, наслышанные о его допросах в жандармерии. Сняв мокрую от дождя шинель, отдал денщику.

Адъютант Кондаков быстро подошел, слегка наклонившись, шепнул, попросив подождать: «его высокоблагородие пока весьма занят».

Алексей присел в кресло рядом с журнальным столиком.

Вернувшийся утром из Петербурга полковой батюшка Валентин Робертович Покровский охотно рассказывал последние новости и сплетни.

Задержался пробегавший мимо Атлантов, заржал как лошадь.

– Ну что вам, господа, рассказать?! Век электричества! На Невском ночью светло как днем-с! Зашел я в «Медведь» – жажду утолить…

Атлантов забегал глазками…

– «Медведь» – один из самых лучших столичных ресторанов, господин полковник, – шепнул начальнику хозяйственной части Кондаков.

– И цены, скажу я вам, приятно удивили! Заказал я для начала, сами понимаете – пост: ушицу ершовую с расстегаями, рябчика тушеного в сметане и зеленого салату, ну и заодно уж, тилебал со сморчками, сорбет а-ля Рояль, и водочки, конечно – «косушечку»!

Атлантов, проглотив слюну, уставился на батюшку, – Валентин Робертович! Помилуй! Кушать очень хочется, а до обеда еще долго ждать!

– Что ж вам тогда рассказать-то?!

– Международные отношения, как вы находите? – доктор Николай Антонович положил газету на подоконник, – будет война?!

– Кайзер – весьма амбициозен. Австрияки – тоже не промах! – сделался серьезным батюшка.

– Говорят, волки расплодились. По окраинам бродят. Вот на днях и в Славковичах овец задрали. Ничего не боятся. Плохая примета, господа, весьма дурная примета…

– Алексей Федорович! – вышел и быстро вернулся Кондаков, – господин полковник просит вас!

– Но, насколько я понял, штабс-капитан Протопопов вызывал, – немного смутился Новак.

– Борис Викторович там же, у господина полковника.

– — – — – — – — – — – — – — – — – —

В кабинете командира полка было тепло от натопленного камина. Как и подобает любому высокому казенному месту с парадного портрета на стене добродушно смотрел Его Величество Николай Александрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.